

Логвин Т.М.

«Добру откроется сердце...»: природа – родина – человек в
рассказе В.Белова «Бобришный угор»

В глаза, будто память о детстве,
Зеленые глянут места,
Добру откроется сердце,
И совесть будет чиста.

Александр Яшин

Человеку необходима доброта. И в отношении к нему, и в его отношении к другим, равно как и ко всему живому в окружающем мире. Бесспорная в своем выражении, мысль эта, однако, может быть полемичной по своему конкретному наполнению. Она определяет пути социально-культурного развития общества и задачи литературного творчества в решении коренных духовных проблем. В этой полемике отчетливо слышен серьезный голос писателя Василия Ивановича Белова, который он подал в защиту природы, выступая за разумное преобразование земли: «Мы называем землю матерью, матушкой, кормилицей, поем ей гимны и славословим. Это лишь на словах. На деле мы поступаем с ней безнравственно и жестоко, мы давно забыли, что она живая. Как все живое, она ждала милосердия. Но произошло отчуждение. Вместо любви и милосердия земле было уготовано презрение и равнодушие» [3, с. 179].

В этом исповедально-призывном монологе подкупает предельная искренность авторской интенции, явно проступает устремленность к доброте, справедливости и правде жизни. На собственном горестном опыте писатель выстрадал и этику: «Пока есть жизнь, будет и правда» [3, с. 219]. Очевидна её действенная сила, не только не убывающая со временем, а наоборот, все возрастающая при нравственном дефиците доброты и человечности в современном мире.

В основу всего творчества художника-реалиста из северной русской деревни положены действительные события, жизненные наблюдения и впечатления, сокровенные мысли и чувства, для выражения которых он нашёл «новые слова, новые краски, новую музыку фразы» [1, с. 183]. Первым разглядел в Белове «будущую звезду нашей прозы» Александр Яшин [1, с. 181]. А Федор Абрамов угадал самобытность дарования начинающего автора буквально по глазам: «Нет, нет, оригинальность Василия Белова я оценил сразу: у кого ещё в мире такие глаза – широко распахнутые, младенчески-простодушные и в то же время скорбные, налитые тревогой и болью за всё живое на Земле» [1, с. 182]. Знаменитый земляк сполна оценил и способность писателя мастерски выписывать пейзажи: «По какой-то нелепости издревле принято считать, что Север беднее красками Юга. Василий Белов своими бесподобными пейзажами доказал, что дело обстоит как раз наоборот» [1, с. 183].

О том, что Василий Белов – непревзойдённый мастер художественных картин природы, не скрывая своего восхищения, сказал Сергей Залыгин: « Он прекрасно пишет природу, но никогда природа не остаётся у него наедине с самой собой, всегда в ней присутствует человек со своей психологией, с душевным своим настроением и со своим же трудом, от которого он неотделим, который не только работа, но и его человеческая суть, его назначение, источник его духовности» [4, с. 105]. Природа предстает как неотъемлемая часть народной жизни и быта, с нею связан каждодневный труд, надежды, радости и печали.

Тематическая триада природа - родина - человек, как правило, определяет смысловой акцент многих его произведений, а в рассказе «Бобришный угор» является главным предметом изображения. Под пером большого художника родная сторона многозвучна и поэтична. В природе все связано живой незримой нитью бытия: « Бобришный угор пел на все голоса. В бездонном небе тонули и все не могли утонуть сосновые кроны. Редкие облака, казалось, висели недвижимо, а сосновые кроны и все лесные верха плавно, бесшумно и широко стремились им навстречу. А внизу, на теплой, словно рассолодевшей земле, все копошилось, цвело, росло, торопилось жить» [2, с. 277].

Для воплощения своего замысла художник возлагает на природу так много, что она становится как бы одним из его героев, предстающим то в облике дороги, которая сравнивается с женщиной-хозяйкой, называемой в народе большухой; то в облике сумеречно-теплого леса, готовящегося отойти ко сну; то домика с белым крыльцом, на Бобришном угоре; то кукушки, голос которой был печален и светел, а ритм кукования походил на биение сердца.

Наряду с такими подробно описанными картинами природы нередко встречаются небольшие зарисовки и лаконичные описания, которые тем не менее очень глубоко вскрывают внутренний мир героя, психологически точно передают нюансы его настроения и подчеркивают душевное состояние в какой-либо определенный момент: « Хотя где-то неопределенные и по происхождению явно человеческие звуки выявляли окрестные деревни. Но это ещё больше оттеняло лесную здешнюю тишину. Тишину и суть нашего состояния. Суть же нашего состояния заключалось в том, что кругом нас и в нас самих жил отрадный, добрый, засыпающий лес, и жила июльская ночь, и была везде наша родина...» [2, с. 274].

Природу автор и герои воспринимают как нечто живое, наделенное способностью понимать и чувствовать. Особенным лиризмом проникнут эпизод, где герой рассказывает о засыпании леса: « Везде был отрадный, дремотный лес. Он засыпал, врачуя своим покоем наши смятенные души; он был с нами добр, широк, был понятен и неназойлив, от него веяло родиной и покоем, как веет покоем от твоей старой и мудрой матери...» [2, с. 274].

Обостренное чувство единения с природой особенно ярко выявляется в художественной публицистике («Раздумья на родине»). Только в этой книге уже совершенно другие оттенки: « Здесь в лесу опять так явственна горечь

моих встреч с родиной, так ярки всплывшие в памяти образы, так щемящи воспоминания» [3, с. 67].

Для чуткого сердца писателя невозможно лишь отношение восхищенного созерцания, потому что Белов никогда не остается равнодушным по отношению к реальному или воссозданному миру, всё пропускаая сквозь растревоженную душу и беспокойное сердце.

Благородство внутреннего мира героев из «Бобришного угора» он раскрывает в процессе их короткого, но тесного общения с природой, отчего в памяти неожиданно возникают отрадные воспоминания детства, а в душе рождается удивительное чувство внутреннего удовлетворения и тихой радости. « Мы удим, а это значит, что мы уже как бы и не мы, мы растворились, сравнялись с вечной природой, произошло то самое слияние с рекой, с кустами и травой, с небом, ветром и птицами, когда забываешь самого себя. Мир снова стал цельным и гармоничным, как в раннем детстве, когда мысль о конце ещё и разу не ознобила душу своим безжалостным инеем» [2, с. 278].

Наедине с природным миром человеку не нужно кривить душой. Он может, оставаясь самим собой, без оглядки посмотреть правде в глаза. И если судить по внутренним монологам беловского героя, то видно, как в его сознании идёт процесс более глубокого осмысления противоречий жизни и привычных понятий, происходит определенная переосценка ценностей, усиливается гуманистическое начало: « Счастье зачастую оказывается совсем не там, где его ждёшь. Оно появляется, и мы не замечаем его, и лишь после до нас доходит, что это ведь и было в общем-то счастье. Оно складывалось для меня из лесной свободы, усталости от обычной ходьбы, из ржаного ломтя, из смоляного запаха и гулких ударов шишек об родимую землю» [2, с. 277].

В этом описании заметно преобладание исповедального мотива. Авторское рассуждение очень точно и тонко предаёт сокровенные мысли лирического героя, показывает самые непосредственные движения души, высвечивая нравственные основы его обычного земного существования. Именно в этой обыденности, в том, что окружает человека каждый день, художник отыскивает зёрна непреходящего, вечного, нравственного. Этому способствует и сама манера письма, отличающаяся достоверностью художественной детали и особой доверительностью: « И хотя мы покидаем родные места, все-таки мы снова и снова возвращаемся к ним, как бы ни грешили знакомством с другими краями. Потому что жить без этой малой родины невозможно. Ведь человек счастлив, пока у него есть родина.

Что ж, покамест у нас есть Бобришный, есть родина...

Нам нечего стыдиться писать это слово с маленькой буквы: ведь здесь, на Бобришном, и начинается для нас большая Родина. Да, человек счастлив, пока у него есть родина. Как бы ни сурово, ни неласкова была она со своим сыном, нам никогда от неё не отречься» [2, с. 277].

Эти строки проникнуты глубоко личными переживаниями. Так может чувствовать и думать человек, бесконечно влюблённый в свою тихую малую родину, ибо он для неё сын родной. И не случайно, наверное, повествование

ведется непосредственно от первого лица, присутствует прямое «я». Так писателю легче выразить сыновнюю благодарность отчему краю, земле отцов и дедов.

В больших и малых жанровых формах он склонен к широким обобщениям, прибегает к философскому осмыслению и глубинному исследованию жизни, использует народный опыт познания своей земли. Картины настоящего то и дело перемежаются у Белова поэтическими отступлениями в золотые сны детства, в прошлое, в которое возвращается то ли сам рассказчик, то ли его герои: «Тогда мир шумел и раздвигался в моих глазах, я сам был этим светлым и ласковым миром, и все люди были как мать, они не делились на врагов и друзей» [3, с. 50]. При этом автор, упоминая о своей крестьянской стеснительности, с сожалением замечает: «Так беден наш язык, когда пытаешься говорить о сокровенном» [2, с. 276].

Признанный мастер не перестаёт удивляться чарующей красоте родной земли и постоянно стремится подтвердить духовное воздействие природы на человека, потому что, по его твердому убеждению, «хорошо развитое чувство прекрасного подразумевает обычно и высокую нравственность»

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ